

Атрэй Блэквуд

Тонкая грань
реальности

Атрэй Блэквуд

Тонкая грань реальности

«Автор»

2026

Блэквуд А.

Тонкая грань реальности / А. Блэквуд — «Автор», 2026

«Тонкая грань реальности» — мрачный хоррор в стиле Лавкрафта о том, как рушится привычная картина мира. Главный герой балансирует на грани безумия. Реальность вокруг него начинает расползаться по швам. Город медленно сбрасывает маску нормальности — углы домов сглаживаются, тени шевелятся, стены шепчут, а в вентиляции прячется нечто древнее и равнодушное к человеческой жизни. Каждая деталь становится зловещим предзнаменованием. Эта история погружает в атмосферу нарастающего ужаса, где самое страшное — не монстры из темноты, а постепенная утрата опоры, когда привычные вещи теряют смысл, а сам ты рискуешь перестать узнавать собственное отражение.

© Блэквуд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Атрэй Блэквуд

Тонкая грань реальности

1

Третьи сутки без сна. Глаза печёт, в висках стучит, но закрыть веки — значит сдаться. Я не боюсь темноты. Глупо бояться простого отсутствия света. Я боюсь того, что обитает в ней, прячется и выжидает. Того, что прямо сейчас с сухим шелестом шевелится за старыми обоями, будто перебирает слои реальности как страницы старого альбома. Того, что хрипло, прерывисто дышит в вентиляционной решётке прямо над моей кроватью, и пахнет чем-то древним, не имеющим права существовать в нашем мире. Оно знает, что я не сплю. Каждой клеткой кожи я чувствую: оно ждёт, когда я сломаюсь. Оно не нападает. Оно выжидает. Оно не уходит.

Стены шепчут. Не словами — скорее вибрациями. Это утробный, низкий гул, от которого челюсти сводит судорогой, а нервы натянуты так, что готовы лопнуть. Я прижимаю ладонь к стене и чувствую, как сквозь неё проступает холод, не похожий на холод улицы. Он ползёт по пальцам, забирается под кожу, шепчет: «Ты не один. Ты никогда не был один». Это холод чего-то древнего, равнодушного, пугающего. В такт этому шёпоту люстра над головой едва заметно качается, хотя в квартире нет сквозняков. Кто-то невидимый просто дёрнул за цепь. Поиграл со мной. Напомнил, кто здесь хозяин.

Сначала я надеялся, что это просто крысы. Даже зашёл в хозяйственный магазин на углу и купил мышеловку. Ее тугая пружина издевательски хлопала, словно говоря: «Эй, приятель, ты следующий». В магазине пахло вековой пылью, прелым картоном и дешёвой отравой для тараканов. Так пахнут вещи, которые слишком долго гнили на заброшенном складе и успели впитать в себя запах самого времени. Было ощущение, будто само пространство в этой глухой лавке старело в два раза быстрее, чем снаружи. Продавец, немолодой мужчина с усталыми глазами, молча протянул мне сдачу.

Именно тогда я заметил, что на его пальцах не было линий. Вообще ничего. Ладони были абсолютно гладкими и матовыми как у манекена.

Я с ужасом сгрёб звенящие монеты — они показались мне неестественно тяжёлыми и скользкими — и, почти не помня себя, выбежал из магазина на холодную улицу. Сердце отбивало бешеный ритм в груди, а колокольчик над дверью запоздало звякнул за моей спиной, оборвав этот затянувшийся кошмар. Я бежал прочь по пустому тротуару, жадно хватая ртом воздух и пытаюсь убедить себя, что это всего лишь галлюцинация, вызванная усталостью, обычный недосып или нервное перенапряжение. В то мгновение я был готов поверить во всё, что угодно: в оптический обман от тусклых ламп, в дефект дешёвого пластика на монетнице, в собственное истощённое от усталости зрение. Мой разум судорожно цеплялся за любое самое банальное объяснение, лишь бы защитить остатки рассудка.

Но теперь, когда обратного пути уже нет, я понимаю: это было первое зловещее предзнаменование. Намёк судьбы. Сама ткань реальности начала надрываться. Она расплзалась всё шире, с каждым мгновением угрожая обрушить всё, что ещё вчера я наивно считал незыблемым и прочным. Привычный мир прямо на моих глазах перекраивал реальность, подгоняя её физические законы под нужды безмолвной твари из вентиляции. Город вокруг меня уже начал необратимо меняться с пугающей ленивой неторопливостью, будто сопротивлялся собственным метаморфозам. Сама ткань бытия медленно и неохотно поддавалась чуждой воле, изгибаясь и искривляясь в такт беззвучному шёпоту. В этот миг я понял - город перестраивал себя, сбрасывал фальшивую кожу былой нормальности, вынужденный принять новую уродливую форму. Здания, прежде строгие и угловатые, будто теряли чёткость очертаний, словно

сама геометрия строений восставала против себя, отказываясь от собственной сути. Углы сглаживались под натиском чего-то чужеродного и противоестественного. Фасады домов таяли словно воск горящей свечи, они оплывали, теряя резкость в своей неспешной деформации. Тени между зданиями становились всё гуще и плотнее, будто впитывали в себя свет, пожирая его без остатка. Они уже не лежали неподвижно — они перетекали, шевелились, обходя углы и заполняя собой каждую щель. Казалось, стоит лишь моргнуть, и они успеют сдвинуться, занять новое место, перекроить пространство по своим, неведомым законам. Из темноты за разорванными декорациями мира пахло сыростью, пылью и чем-то неуловимо гниlostным, будто город не просто менялся, а разлагался изнутри. Воздух стал плотным, почти осязаемым. Там, в глубине этой злоеющей тьмы, ворочалось нечто бесконечно древнее и чуждое. У него не было лица, но я точно знал: оно смотрит прямо на меня, и в этом взгляде не было ни капли жалости — только пустая, леденящая бездна. Асфальт под ногами стал вязким, словно помнил прикосновение чего-то, что не должно было существовать в этом мире. Фонари мерцали не в такт, их свет то гас, то вспыхивал с неестественной яркостью. И страшнее всего было осознание того, что город всегда был таким, и лишь сейчас позволил себе наконец сбросить маску нормальности. А тварь в вентиляции терпеливо ждала, когда мир окончательно прогнётся под её волей.

Я рванул вперёд, не разбирая дороги. Ноги сами несли меня прочь, лёгкие горели от холодного воздуха, а в висках пульсировала кровь. Я бежал. Просто бежал, спотыкаясь о выступы на тротуаре и судорожно хватая ртом воздух. Рассудок отключился, остался только животный ужас.

Я свернул в переулок, который знал как свои пять пальцев: когда-то я ходил здесь каждое утро, торопясь на работу. Теперь переулок стал казаться неестественно чужим. Дома будто сдвинулись ближе друг к другу, сужая проход, а их фасады покрылись рябью, словно поверхность воды, потревоженной камнем, будто сама логика пространства отказывалась работать.

В какой-то момент я остановился, прижался спиной к стене, чтобы перевести дух, и тут же пожалел об этом. Холод из стены просочился сквозь куртку, пробрался под рёбра к самому сердцу, и на мгновение мне показалось, что я слышу слова. Неразборчивые, сплетающиеся в единый гул, в котором угадывались тысячи голосов, давно забывших человеческую речь.

«Не останавливайся», — прошептал мне внутренний голос, и я снова побежал.

Поворот, ещё один переулок, лестница, ведущая вниз к подземному переходу... Раньше это был самый короткий путь к моему дому, теперь же ступени казались слишком крутыми и неестественно длинными. Свет в переходе мигал, и в каждом проблеске тени на стенах шевелились, изгибались, принимали очертания, которые мозг отказывался признавать.

На середине лестницы я замер, услышав позади себя тихий, сухой шелест — такой же, как за обоями в моей квартире. Он нарастал, становился громче, будто что-то большое и бесформенное ползёт по ступеням следом за мной. Я не стал оборачиваться. Просто рванул вперёд, перепрыгивая через две, три ступени сразу, чувствуя, как сердце колотится всё сильнее, а в ушах звенит от напряжения.

Наконец, я выскочил на поверхность, на знакомую улицу. Но и здесь реальность уже успела измениться. Передо мной высилась многоэтажка — та самая, где я снимал квартиру на тринадцатом этаже. Раньше она казалась мне безликой, но надёжной: бетон, стекло, ровные ряды окон как строчки текста. Теперь же дом выглядел иначе. Он будто слегка перекосился, окна в некоторых квартирах были темнее, чем должны были быть в этот час, а на асфальте лежали странные, неровные пятна, похожие на высохшую смолу или застывшую тень.

Я бросился к подъезду, дрожащими руками нашарил в кармане ключ, и тот показался мне непривычно тяжёлым. Наконец, щелчок. Дверь поддалась с протяжным, скрипучим стоном, будто не хотела меня впускать...

В подъезде повеяло чем-то металлическим, похожим на запах крови, только старой, высохшей, впитавшейся в стены. Лифт стоял на первом этаже, его двери были приоткрыты, и из темноты кабины тянуло ледяным холодом, от которого волосы встали дыбом. Я не решился туда зайти. Вместо этого я рванул к лестнице, чувствуя, как бетон под ногами вибрирует в такт чему-то огромному, что двигалось где-то глубоко под домом.

Площадка тринадцатого этажа встретила меня неестественной тишиной — ни шагов соседей, ни привычных звуков, ни даже шума лифта. Только тишина, густая и липкая.

Моя дверь стояла чуть приоткрытой. На пару миллиметров, но всё же этого было достаточно, чтобы по спине пробежал ледяной озноб. Я точно помнил, что закрыл её перед уходом. Или...

Может, реальность начала стираться, оставляя после себя лишь смутные, расплывчатые воспоминания, которым нельзя доверять?

Я толкнул дверь, она распахнулась с тихим, почти виноватым скрипом, и передо мной предстала прихожая — знакомая до мелочей, но в то же время чужая. Свет в коридоре не горел, но тьма не была полной: по стенам ползли тонкие, мерцающие линии, похожие на вены, наполненные тусклым голубоватым светом. Они пульсировали в такт чему-то невидимому, будто дом дышал. И тогда я услышал его. Тихий, хриплый вдох из вентиляции над потолком. Тот самый, который преследовал меня все эти бессонные ночи. Тот же прерывистый ритм, тот же запах древности и чего-то, не имеющего права существовать в этом мире.

Оно было здесь. Оно ждало.

Только теперь всё звучало иначе — ближе, громче, увереннее. Будто тварь, прятаясь в темноте, наконец перестала скрываться.

И в это мгновение мне стало ясно: дом не был убежищем. Он был частью этого кошмара. И теперь, когда я вернулся, игра только начиналась.

2

Моя убогая ловушка заняла своё место в самом тёмном углу спальни, у плинтуса, где бумажные обои уже давно отслоились от старости, обнажив слои газеты тридцатилетней давности с пожелтевшими заголовками об аномальных ночных заморозках посреди лета и массовом падении птиц, причины которого так и не нашли. Бумага была чудовищно ломкой, хрупкой и сухой, как высохшая кожа. Местами на ней виднелись крошечные тёмные точки, похожие на следы плесени. Однако, если вглядываться в них слишком долго, казалось, что эти точки медленно меняют своё положение. Я наклонился ближе, чтобы разглядеть эти тёмные пятна. Точки действительно двигались, они ползли.

Точки непрестанно копошились, перемещались, складывались в подобию безумных слов и тут же деформировались обратно, будто сама ткань нашего языка растворялась в хаосе, сквозь который мой рассыпающийся разум уже различал отчётливые контуры запредельной, зловещей воли.

«Не смотри», — прошептал внутренний голос, но я уже не мог отвести взгляд. В этих хаотичных узорах проступало нечто большее, чем случайность. В них чувствовалась воля — холодная, чуждая, равнодушная к человеческому пониманию. Она не пыталась говорить со мной привычными словами, она ломала саму структуру смысла, заставляя реальность трещать по швам.

Я отшатнулся и тут же пожалел об этом: колени хрустнули, будто в суставах пересыпался песок. Пружина мышеловки щёлкнула и звук этот прозвучал в давящей тишине неестественно громко, будто сам дом вздрогнул. Теперь она лежала там, у плинтуса, маленькая, нелепая, как детская игрушка посреди кошмара. И в этой жалкой попытке удержать реальность с помощью куска металла и пружины — было что-то до боли унижительное.

«И это всё, на что ты способен? Выставить мышеловку против того, что дышит в вентиляции?» — усмехнулся голос в голове.

Из решётки над моей головой донёсся тихий, прерывистый вздох — такой, будто кто-то огромный и древний пытался научиться дышать в нашем мире, и каждый его вдох отзывался дрожью в старых трубах квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.